

УДК 316.2

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела исто-
рии и теории социологии Института социоло-
гии НАН Украины, Киев*

**Социологическое метатеоретизирование
в 1980–1990-х годах:
философские аспекты некоторых альтернатив
позитивистской спецификации¹**

Вступление

Социологическое метатеоретизирование 1980–1990-х годов крайне важно для понимания его современного состояния и перспектив. Два последних десятилетия прошлого века примечательны спецификацией метатеоретизирования как составляющей социологического знания и субдомена дисциплинарного дискурса социологии. Под спецификацией здесь понимается выявление, определение и формализованное описание свойств, особенностей, характеристик и функций метатеоретизирования в социологии, его типологизация по общим признакам. Речь идет, по сути, об установлении и соблюдении определенных стандартов метатеоретических исследовательских практик.

Отдельные шаги в исследовании этих метатеоретических оснований уже сделаны. Радикальная позитивистская спецификация метатеоретизирования была детально проанализирована В.Резником в подробном обзоре (мета)теоретического подхода Дж.Тернера [Резнік, 2017]. Однако изложению Резника недостает должной объективности в отношении этой позитивистской версии метатеоретизирования с ее крайней нетерпимостью к другим версиям последнего. Резник не критически подчеркивает только выигрышные характеристики радикального позитивизма и намеренно избегает

¹ Работа выполнена за счет средств бюджетной программы “Поддержка развития приоритетных направлений научных исследований” (КПКВК 6541230).

рассмотрения его недостатков. В частности, он стыдливо уклонился от выражения собственного мнения по поводу одиозного выпада Тернера против метатеоретиков с длинным перечнем “грехов” последних:

“...деятельность многих современных метатеоретиков научно контр-продуктивна. Они возвращают нас к истории людей и идей, а не к социальным силам и динамикам; они вовлекают нас в неразрешимые философские дискуссии над онтологиями, метафизикой, эпистемологией и, возможно, эстетикой; они способствуют нездоровой схоластике, при которой нормативным для теоретиков становится продуцирование объемных книг с длинными цитатами и примечаниями, достойных зависти библиеиста; они предлагают комментарии по поводу имплицитной идеологии и предубеждений той или иной теории, персоны или школы, не используя свои прозрения для продуцирования чего бы то ни было, кроме еще одного набора идеологических предубеждений; они вырабатывают непроверенные рецепты, которые говорят нам об очевидных вещах типа: изучайте действие и порядок, конфликт и консенсус, структуру и процесс и т.п.; и они уводят теорию еще дальше от эмпирических исследований и тестирований” [Turner, 1990: p. 39].

Эти и некоторые другие Тернеровы утверждения поражают наше воображение неслыханно дерзким, безапелляционным, необоснованным, категорическим, агрессивным и саркастическим неприятием философских основ социологического метатеоретизирования, что связано с призрачностью упований на его идеологическую неангажированность. Метатеоретический дискурс мировой социологии не ограничивается сугубо позитивистской перспективой, и остальные ее альтернативные перспективы тоже заслуживают внимания и подробных обзоров. В качестве противовеса радикальному позитивизму особый интерес представляют те версии спецификации социологического метатеоретизирования, которые делают его более явственным и обосновывают его философские начала. Собственно реактуализация таких малоизвестных в социологическом дискурсе Украины метатеоретических разработок 1980–1990-х годов и является задачей данной статьи.

Метатеория как философия социальной науки

Б.Фей вообще трактовал метатеорию социальной науки как ее философию. При этом термин “метатеория” использовался для обозначения совокупности или отдельных ответов на ряд вопросов:

“Метатеоретики задают ряд разных вопросов: что является или должно быть целью определенной теории? Что является или должно быть логической структурой такого рода теории? Какова форма ее объяснительных суждений? Какими являются или должны быть критерии их адекватности? Каковы семантические связи (relations) слов, используемых в такого рода теориях?” [Fay, 1985: p. 150].

С этой точки зрения, речь идет о склонности многих философов социальной науки верить в способность философии своими силами основать социальную науку исключительно посредством развития обоснованной метатеории как руководства для теоретизирования социологов. В такой “*априорной* метатеории” философы усматривали твердую основу для теоретически со-

стоятельного объяснения человеческой жизни. Фей считал эти их надежды глубоко ошибочными, поскольку они, по его мнению, завышали роль философии социальных наук и недооценивали ее сложность, демонстрировали фундаментальное непонимание взаимосвязи между метатеорией и теорией в современной социальной науке. В итоге он попытался выяснить, что такое связи теории с метатеорией в тогдашних социальных науках, как правильное их видение помогает понять природу и роль философии социальной науки, объяснить сложность такого рода философской деятельности.

Прежде всего Фей констатировал тот фундаментально важный факт, что в своей истории и текущей практике социальная наука содержит разные виды теории, воплощающие характерные, сознательно принятые версии метатеории. То есть социальные научные теории приобрели самые разнообразные формы частично потому, что были построены для сознательного воплощения определенной версии особой метатеории. Метатеоретизирование предшествовало теоретизированию и стимулировало его. При этом метатеоретиком и теоретиком порой был один и тот же человек. Например, теорию исторического материализма К.Маркса, считает Фей, необходимо рассматривать как воплощение новой метатеории социальных наук, априорно очерченной в Марксовых “Тезисах о Фейербахе”. Распространение подобных альтернативных версий метатеоретизирования с производными от них теоретизирования объясняется различными интенциями (мета)теоретиков в своих положениях о человеческой жизни. Они стремились либо полностью подражать естественным наукам в своих исследованиях, либо избежать такого подражания из-за его предполагаемых потенциальных дегуманизирующих последствий. То есть исследователи с самого начала исходили из своих априорных естественнонаучных или гуманистических обязательств.

Естественные науки оказываются своеобразной “точкой отсчета” в конституировании социальных наук — либо как методологический образец, либо как жупел. Но в любом случае естественные науки задают социальной науке бесспорный и пока еще недостижимый критерий научной продуктивности. И это имеет серьезные метатеоретические последствия: “... социальная наука была и остается сознательно метатеоретической в силу отсутствия успеха по сравнению с естественными науками” [Faу, 1985: p. 152]. В социальной науке не усматривались такие теоретические достижения, которые по объяснительной силе хотя бы приближались к теориям типа Ньютоновой или Дарвиновой. Однако имеется целый ряд довольно всеохватывающих (overarching) теоретизирований, образцами чего выступают теоретические наработки Маркса или Фрейда. Эти теоретизирования претендуют на обеспечение синоптического взгляда по образцу предлагаемого теориями в естественных науках. Но, в отличие от последних, марксизму и фрейдизму так и не удалось выработать консенсус в научном сообществе. Такого консенсуса Фей не обнаружил и в других подобных масштабных попытках социологов предложить всестороннее объяснение широких ареалов человеческой жизни — в частности, в теориях функционализма, условий оперантного научения и обмена и др. Независимо от причин отсутствия на сегодня общей руководящей теоретической парадигмы в социологии эта ситуация побуждает социологов изучать основы своего дела для поиска направлений и установок для своих исследовательских действий. Оживленное метатео-

ретизирование трактуется как проявление кризиса теоретизирования в социологии; в этих обстоятельствах многие социологи изучают собственные дисциплины на метатеоретических основаниях и прибегают к совместным теоретическим поискам с метатеоретическими обоснованиями или объяснениями.

Второй важный факт, констатируемый Феем, касается природы и состояния метатеоретизирования в социальной науке. Речь идет о глубоко и эксплицитно метафизической и политической природе социальнаучной метатеории, что обуславливает радикальные расхождения между философами социальной науки. Расхождения эти состоят в отсутствии общего консенсуса в отношении самой природы и структуры социальной научной теории. То есть Фей анализирует в сравнительном контексте (мета)теоретические составляющие натуралистической, интерпретативной и критической моделей социальной науки, представленные в работах Э.Нагеля, П.Винча и Ю.Хабермаса (табл. 1).

Таблица 1

(Мета)теоретические составляющие философских моделей социальной науки (по описаниям Б.Фея)

Критерии сравнения	Модель социальной науки		
	Натуралистическая	Интерпретативная	Критическая
1	2	3	4
Современная презентация	Эрнест Нагель: "Структуры науки" (1961)	Питер Винч: "Идея социальной науки и ее связь с философией" (1958, 1990)	Юрген Хабермас: "Знание и человеческие интересы" (1968, 1971)
Метатеоретический подход как общее представление о мире	Человеческие действия как события, являющиеся результатом каузально предшествующих событий	Существуют такие вещи, как значения. Значимые феномены можно понять только в терминах их семантических качеств	Люди способны к самодетерминации на базе рациональной рефлексии
Задачи социальной науки	Подобно естественной науке, раскрыть базовые, систематические причинно-следственные взаимосвязи между разными событиями и структурами	Обеспечить интерпретационное понимание смысла социальных действий и практик	Раскрыть причины тех механизмов ложного сознания (false-consciousness) и самообмана (self-deception), в которых проявляются базовые противоречия и системные кризисы социальных или личностных систем
Вопросы, поднимаемые социальной теорией	Обоснование причинно-следственных (causal) законов	Выявление смысловой структуры	Раскрытие латентного содержания (content), имеющего социально разрушительную силу, превращение его в манифестированное содержание

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Специфика объяснительных положений в отношении социальной жизни	Испытание (test) теории заключается не в том, помогает ли она понять смысл события, а в том, можно ли было предвидеть его появление, если бы мы обладали такой теорией, и сможем ли мы успешно предсказывать подобные события в будущем. Учитывая номологический характер научных объяснений, объяснение является аверсом прогноза (the obverse of prediction)	Понимание социальной жизни подобно пониманию иностранного языка: социальная наука раскрывает подвластную пониманию структуру значения по явно произвольным (arbitrary utterings) высказываниям или движениям; это является, по сути, задачей перевода	Фундаментальное различие между латентным и манифестируемым содержанием психологических состояний, социального поведения и институтов. Выяснение латентного содержания: как это возникло, как это существует латентно и как эта латентность приводит к фундаментальным проблемам в жизни тех, от кого она зависит (или, точнее, кто от нее зависит)
Смысл социальной науки	Делает возможным технический контроль над более широкими ареалами социальной жизни	Делает возможным диалог между людьми, где раньше его не существовало.	Делает возможными средства для освобождения людей в собственном поведении, через самопреодоление (self-defeating)
Концептуальная связь между метатеоретическим подходом и взглядом на политику	Предикация (и, таким образом, возможный технический контроль) является аверсом каузального объяснения (the obverse of causal explanation), и потому не случайно, что метатеоретический вывод о пользе научной теории является одной из социальных инженерий	Понятие перевода в изображении объяснительных положений (accounts) социальной жизни прямо связано с возможностью усиления коммуникации, и поэтому оно ставит ударение на понимании непонятных способов действия других (и даже своих собственных!), решении конфликта через поиск путей коммуникации и т.п.	Эксплицитная идея проведения угнетенных через процесс саморефлексии ради осознания своих потребностей и мотивов, и тем самым обучения способам изменять фрустрирующие структуры социальной жизни. В знании усматривается сила, способная освободить людей от саморазрушительных моделей мышления и действия, в которые они невольно вовлечены

Каждый метатеоретический подход как общие представления о мире, а также политическое измерение такого подхода выделяются на фоне понимания задач и смысла социальной науки, поднимаемых вопросов и специфики социальной теории. Отсюда вывод о противоречивых истоках метатеоретических подходов: "... все метатеоретические позиции основываются на метафизических представлениях; что характерно сегодня для философии социальных наук — это то, что такие метафизические убеждения являются частью того, что противоречит аргументам ценности (worth) конкретной метатеории" [Fay, 1985: p. 154]. Отмеченные альтернативные метатеорети-

ческие позиции отвечают радикально различным метафизическим схемам. Хотя эти схемы конституированы эксплицитными и выразительными утверждениями о мире, они в то же время являются весьма общими, абстрактными и далекими от непосредственного сенсорного опыта исследователей. Поэтому даже существование успешной социальной науки, построенной на базе натуралистической модели, не считается убедительным доказательством правильности соответствующей натуралистической метатеории. Недостатки этой версии метатеории усматриваются в (1) пренебрежении тем, что является жизненно важным для понимания человеческих существ такими, каковы они есть на самом деле, и в противовес этому (2) предположению об универсальности для них того, что релевантно лишь в определенной исторической или социальной ситуации. Это явно делает возможным другое метафизическое видение человека и общества с акцентом на свободе воли, рациональности, важности ценностей.

Фей не считал, что метафизический характер социальных научных метатеорий делает невозможным рациональные аргументы о них и достижение какого-либо рационально обоснованного консенсуса. Но он также учитывал то, что подобная метафизическая аргументация разворачивается на уровне, относительно отдаленном от эмпирического опыта, способного весомо подтвердить или опровергнуть ее. Наконец, не исключается возможность разработки на таком абстрактном уровне целого ряда разных типов теорий, совместимых с исходной метафизической позицией. В итоге наблюдается относительная метатеоретическая неопределенность социальной науки.

В то же время острая конфликтность метатеоретических дебатов в социальной науке связывается с их неоспоримым политическим измерением. Фей приводит пример дискуссии о природе социальных наук между Т.Адорно и К.Поппером в 1960-х годах, в ходе которой метатеоретические позиции участников часто аргументировались или оспаривались сугубо с учетом их имплицитных политических следствий. Несмотря на мнение о необходимости исключения политики из метатеоретических дебатов в социальных науках, факт связей между социальными научными метатеориями и политическими идеологиями сомнению не подлежит. Каждая из приведенных выше версий метатеории (табл. 1) содержит собственное видение прикладной полезности знания, полученного социальной наукой. Это видение прямо связано с характеристикой соответствующей формы объяснительных суждений в каждой модели социальной науки и опосредованно — с определенным более широким представлением о природе политической жизни. Фей ожидал, что и в будущем аргументы метатеоретиков социальной науки будут и дальше имплицитно, а то и эксплицитно отсылать к политическим соображениям. Ведь аргументы в философии социальной науки не перестанут быть все более сложными и интенсивными в силу присущих им морально-политических последствий.

В совокупности все отмеченные обстоятельства дают основания для текущего диагноза социологического метатеоретизирования: "... существуют весомые причины, почему метатеоретические диспуты о социальных науках являются столь взрывными и непримиримыми: они ведутся вокруг разных ответов на самый базовый вопрос касательно предмета, а именно о природе социальных наук; они сконцентрированы вокруг метафизических принципов высочайшего уровня абстракции; и они провоцируют слишком

напряженные идеологические обсуждения” [Fay, 1985: p. 156–157]. Из-за указанных причин социальной науке присуще разнообразие версий теоретизирования, имеющих довольно неоднозначную метатеоретическую почву. Поэтому метатеоретикам весьма сложно аргументировать правильность своих достижений успешностью их воплощения в теоретических разработках. По мнению Фейя, даже в случае существования довольно удачной теории поведения человека это само по себе вряд ли будет склонять к рациональному выбору воплощенной в ней метатеории. Отсутствие же любой достаточно убедительной теории, независимо от критериев убедительности, лишь усложняет метатеоретическую рефлексию, обуславливая ее незавершенность и нефокусированность. Поэтому, а также из-за наличия конкурирующих метатеоретических установок и применения метафизических и политических аргументов в развитии и обосновании метатеории метатеоретическая аргументация представляется размытой, сложной, неубедительной и в итоге безрезультатной.

Свой анализ взаимосвязей между метатеорией и теорией в социальной науке Фейя подытоживает двумя основными выводами. Первый опровергает предположение аналитической традиции в философии социальной науки об анализе понятий как способе разрешить вопрос о том, что понимание человеческой жизни действительно означает: “... никакие метатеоретические аргументы не могут быть окончательно установлены просто путем анализа логики понятий, применяемых в социальном научном исследовании. Причиной того, почему это так, является тот факт, что следует выяснить именно вопрос о том, что является и что на самом деле не является “социальнонаучным”, а также тот факт, что конкретные социальные научные работы принимают формы, заранее обусловленные соблюдением определенной метатеории. Более того, как только вы признаете эти факты, вы наталкиваетесь на следующий факт — что вопрос о том, как должны выглядеть подлинные основания человеческой жизни, предполагает метафизическую и дальнейшую метатеоретическую аргументацию — собственно такого рода вещи, от которых концептуальный анализ должен был бы нас освободить” [Fay, 1985: p. 163].

Оспаривание релевантности метатеоретического анализа логики понятий обосновывается на примере понятия действия, которое обозначает события в терминах психологических состояний и социальных предпосылок. На успешное объяснение круга этих событий с использованием термина “действие” могут претендовать теории, созданные в рамках конкурирующих метатеоретических перспектив. Однако, с точки зрения Фейя, критерий эмпирического успеха теоретического объяснения сам по себе здесь не может быть решающим: неспособность метатеоретической перспективы обеспечить адекватную теорию в отдельном случае не свидетельствует о ее окончательной и бесповоротной несостоятельности в целом или в иных возможных случаях и обстоятельствах. Наконец, критерии успешности теории в значительной мере определяются характером постановки вопросов, уровнем ожиданий и метафизических установок исследователей. Поэтому анализ социальнонаучных понятий, оказывается, не может определять ценность тех или иных моделей социальных наук. Он отягощен использованием аргументации, затрагивающей метафизические вопросы о природе человека, и метатеоретическими оценками соответствия и успешности социальных научных теорий.

Второй вывод Фейя из его рассмотрения взаимосвязи между теорией и метатеорией касается смысла философии социальной науки: “...философия

социальных наук должна быть сугубо *ревизионным* делом. В ситуации существования широкой неудовлетворенности состоянием социальной науки, как в терминах качества ее теорий, так и в терминах обоснованности ее метатеоретических оснований, метатеоретик не может довольствоваться тем, чтобы просто артикулировать структуру правил, представлений и ценностей, воплощающихся в том деле, которое он пытается понять, то есть он не может сделать “дескриптивную философию”, какую можно обнаружить в мейнстриме философии естественной науки. Он не может довольствоваться этим по той причине, что не существует относительно самодостаточной структуры, чьи основные принципы он может раскрыть и выяснить; вместо этого существует разбушевавшаяся стихия противоречивых и несопоставимых пресуппозиций, встроенных в целый ряд работ, образующих “социальную науку”... Более того, он не может довольствоваться одним лишь описанием того, что делают социальные ученые, потому что нам необходимо сегодня знать, что мы *должны* делать; философия должна пытаться предложить направление и рекомендации, а не только самоосознанную рефлексию. Цель философии социальной науки — не просто понять социальные науки; она должна скорее изменить их” [Fay, 1985: p. 164].

Впрочем, такая заявленная революционная цель философского исследования социальных наук могла бы показаться несоответствующей тогдашним неопределенности и сложности метатеоретизирования в рамках этих наук. Поэтому Фей считал целесообразными одновременно агрессивную готовность предлагать новые модели для руководства социальным исследованием и скромную готовность разрешить другим считать свои видения вполне правильными, а его радикальную программу — неправильной. Необходимость сохранения и соблюдения философами такого дизъюнктивного рационального отношения он считал главной причиной того, “почему философия социальной науки столь сложна”. Подобную метатеоретическую толерантность обосновывали и другие ученые.

Метасоциология как диалог: релятивизм в суждениях

Э.Фурман и В.Снизек декларировали объектом своего исследовательского интереса метасоциологию в формах метатеории и метаметодов социологии. Но в итоге их анализ сосредоточился в основном на проблемах социологического метатеоретизирования. Его исходным моментом стало рассмотрение критики и претензий в адрес метасоциологии со стороны социологов. В частности, метатеорию заклеямили как слишком расплывчатую и абстрактную, критическую, таксономическую и расточительную по затратам времени. Метасоциологию в целом обвиняли в том, что она не только не способствует прогрессу социологии, но и замедляет его. Из этих обвинений следовало, что метасоциология является не просто излишней и напрасной, но и вредной для социологии. Фурман и Снизек аргументированно парировали подобные упреки.

Заслуживает внимания их отзыв на критику метасоциологии за аналитическое фокусирование на истории социологии: “Этот расширенный референс от тех, кто уничижает метасоциологию, часто имеет в своей основе следующую идею: наука, которая не решается забыть своих основателей, теряет себя. Но очевидный ответ на такое видение науки состоит в том, чтобы предположить, что наука, которая забывает о своих основателях, не знает, ни как

далеко она прошла, ни в каком направлении” [Fuhrman, Snizek, 1990: p. 19]. Плодотворность сосредоточения метасоциологии на истории социологии аргументируется акцентом на достижениях Г.М.Блейлока и Дж.Коулмена в этой области: их исторические исследования существенно улучшили проведение социологических исследований с логико-дедуктивной точки зрения, или с точки зрения естественной науки. То есть метасоциология в формах метатеории и метаметодов обеспечила информативный диалог в рамках социологии даже для требовательных исследователей, склонных считать прогрессом дисциплины исключительно ее развитие в качестве “естественной” науки об обществе.

Фурман и Снизек не считали, что метасоциология заслуживает того, чтобы быть козлом отпущения (scapegoat) для исследователей, фрустрированных из-за слишком медленной разработки в социологии объяснительных и прогностических теорий, которые, вместо этого, являются скорее тривиально истинными в кросс-культурном и историческом измерениях. Они опровергали мнение о том, что метасоциология не содействует научному прогрессу социологии. Основанием для этого стали работы П.Фейерабенда, где подвергалась сомнению сама идея научного прогресса. Значит, если не нужно исходить из понятия научного прогресса, то и метасоциология не может подвергаться критике за несодействие тому, что считается химерой. Использование критериев естественной науки для оценки научного статуса социологии и метасоциологии оспаривалось как очень контroversийный подход, что может оказаться плохой стратегией для построения и совершенствования дисциплины. Вообще, по признанию Фурмана и Снизека, их аргументация не предполагала, что социология должна быть наукой или что она должна проявлять свойства научного прогресса. В то же время признавалась важность метасоциологических дискуссий, поскольку они позволяли социологам увидеть себя под углом зрения других ученых, а значит критически оценивать разные теоретические и методологические предположения, лежащие в основе социологии.

Реализация указанного потенциала метасоциологии связывалась с распространением среди социологов релятивистского подхода к теоретическому, методологическому и ценностному разнообразию социологии. Прежде всего речь шла о контексте эпистемичного релятивизма в ходе учебного процесса, когда студенты и аспиранты под руководством преподавателей овладевают многочисленными конкурирующими социологическими перспективами, парадигмами, теориями. Участники процесса исходят из того, что теории и методы, отличающиеся от их собственных, репрезентируют альтернативные подходы к социальной реальности. Считается, что социальная реальность бесконечно сложна в своих свойствах, а значит и источников нашего понимания ее может быть сколь угодно много. Можно согласиться не соглашаться с отличными от собственных теориями и методами, которые используют другие исследователи для изучения социальной реальности. Но преимущественно бытует убеждение, что должно существовать огромное когнитивное пространство для толерантности и даже доброжелательной критики друг друга из-за этих различий.

Впрочем, несмотря на культивирование среди социологов определенного рода эпистемического релятивизма, это отнюдь не обязывает их к релятивизму в суждениях. В последнем случае речь идет о толерантности касательно альтернативных путей проживания социологической жизни, видения и ин-

терпретации реальности: “Релятивизм в суждениях означает, что мы можем не знать, что представляет собой лучшее знание, и потому мы должны быть открытыми для относительно одинаковой поддержки многих подходов к изучению социальной реальности” [Fuhrman, Snizek, 1990: p. 25]. С этой точки зрения, мнения коллег по научному сообществу следует считать примерно равноценными. Но мы редко имеем достаточно четкие и однозначные основания для оценки их конкурирующих притязаний, и абсолютно не существует конкретных и результативных способов оценивать работы других. Здесь речь идет не об отсутствии стандартов, поскольку разные социологические направления обычно имеют собственные общеизвестные и устоявшиеся традиции совершенства. Поэтому научное сообщество единодушно, когда подвергает эксклюзии тех своих членов, которые фабрикуют данные, но оказывается разобренным и неоднозначным в отношении к тем, кто интерпретирует те же самые данные отличным от других способом. Вместе с тем ученые, для которых приемлем эпистемический релятивизм, часто оказываются не готовыми принять релятивизм в суждениях. И это порой ведет к кризисам в ситуациях (пере)распределения социального и прочего капитала среди ученых. Решения по поводу финансирования грантов, публикации журнальных статей, присуждения научного статуса, должностного роста и повышения зарплаты нередко учитывают стратегии проведения исследований и особенности профессиональной жизни претендентов. Последние вынуждены подстраиваться под предпочтения лиц, принимающих подобные решения. Ведь, как говорят в народе, “кто платит, тот и музыку заказывает”.

В этих обстоятельствах немалые надежды связывались с метасоциологией. Смысл метасоциологии усматривался в ее способности сделать явными имплицитные основания теоретических, методологических и методических предпочтений, своего рода идеологических предубеждений социологов:

“Метасоциология помогает нам понять разные метасоциологические предпочтения исследователей как культурно обусловленные двумя разными, но связанными между собой способами. Во-первых, когда человек выбирает конкретную теорию или метод, набор основных предположений, пресуппозиций и predisпозиций для конкретных научных практик можно выявлять посредством метасоциологического анализа. ...

Во-вторых, метасоциологические предпочтения очень часто в какой-то мере делают более очевидными мнения и чувства исследователя о людях, которых он изучает, и отношения социолога с общественностью...” [Fuhrman, Snizek, 1990: p. 26].

Следовательно, тип социологических наработок зависит не только от типа описания социальной реальности, предпочитаемого социологом. Собственно сам выбор типа описания (types of descriptions) зависит от определенных его предположений в сочетании с пресуппозициями, предубеждениями и настроениями и т.п. Выявление, прояснение и анализ этих априори латентных пресуппозиций и предубеждений может стать шагом к нейтрализации конфликтного потенциала. Иногда возникают благоприятные для этого настроения и среди широкого научного сообщества, и среди наиболее ярых оппонентов. В частности, признание невозможности прогнозирования хода научных событий, плодотворных направлений исследований порой побуждает к поддержке альтернативных теорий, методов и целых научных дисциплин, которые могут оказаться продуктивными. Поэтому метасоциология видится нацеленной на развитие, поощрение и аргументацию

релятивизма в суждениях на методическом и стратегическом уровнях социологических исследований:

“Метасоциология пытается показать и проанализировать разнообразие в науке, указывая на разные выборы исследователей в отношении таких вещей, как единица анализа, метод и цель научного исследования... Кроме того, определенные предположения встроены в научное исследование, и метасоциология указывает на них и подвергает их дискуссии. Такие дискуссии часто переводят обсуждения на уровень стратегии и, в итоге, ставят вопрос: чего мы пытаемся достичь при помощи социологических исследований?” [Fuhrman, Snizek, 1990: p. 26].

Впрочем, метасоциологические попытки привить подобный тип релятивизма в суждениях часто наталкиваются на сопротивление в социологическом сообществе. Даже социологи, толерантные к эпистемическому релятивизму, зачастую не склонны к толерантности в отношении социальнаучных суждений, получаемых разными путями. Помимо неприятия альтернативных взглядов на природу науки, здесь также могут проявляться латентные исходные предположения этих социологов о социальной реальности. Метасоциология иногда делает явными такие имплицитные предположения о природе актора или общества и заставляет некоторых исследователей чувствовать себя некомфортно. Метасоциологическое выявление этих предположений порой происходит в контексте политических и культурных дискуссий. Поэтому некоторых социологов может не удовлетворять перспектива публичной идентификации их идеологических, политических, социокультурных и прочих предпочтений. Но таким образом метасоциология позволяет вывести научные дискуссии на моральный, политический, идеологический и философский уровень.

Оппоненты и критики метасоциологии, желающие развивать социологию по лекалам естественных наук, подчеркивают незначительную плодотворность метасоциологических наработок для исследований социальной реальности. Их собственные, часто имплицитные, предположения сводятся к тому, что самой лучшей для продуцирования релевантного социологического знания является именно их исследовательская стратегия с ударением на каузальном моделировании и инвентаризации теоретических предложений. Но эту стратегию Фурман и Снизек считают пригодной для изучения лишь определенной части социального мира. Если же исходить из существования различных предположений о природе социального мира, то каждое из них предусматривает собственную стратегию его изучения.

Поскольку в социологии нет общего видения отправной точки или цели в исследованиях социальной реальности, главный смысл метасоциологии — сделать возможной ориентацию социологов в разнообразной концептуальной, идеологической и моральной среде науки: “Цель метасоциологии заключается в том, чтобы в разумных пределах мы осознавали, где мы находились, где находимся, куда, как представляется, идем, и какую связь любая социология, которую мы создаем, имеет с другими диалогами о социальном мире” [Fuhrman, Snizek, 1990: p. 27]. То есть главная задача метасоциологии видится в расширении осведомленности социологов об их собственной позиции относительно других форм социального знания и в выявлении этой позиции.

В этом контексте метасоциология сама трактуется как собственно диалог социологии с другими смежными социальными научными дисциплинами и политическими и моральными дискуссиями о социальном мире: “По-

сколькx социология участвует в более широком и более сложном диалоге с другими социальными науками, историей, философией, здравым смыслом и идеологией, она должна изучать и использовать метасоциологический способ дискурса. Без метасоциологического диалога трудно представить, как социология могла бы приобщаться к этим иным формам дискурса и вносить в них свой вклад” [Fuhrtman, Snizek, 1990: p. 28]. Но перспектива серьезного восприятия социологами метасоциологии как такого рода диалога предполагает отказ от претензий на единогласие в социологии по поводу суждений о социальном мире. В противовес культивированию такого единогласия (вроде свойственного естественным наукам) обосновывается метасоциологическая альтернатива — диалог указанных суждений:

“Почему у плюралистического мира должно быть мономорфное объяснение? Метасоциология, казалось бы, серьезно относится к этому вопросу и пытается создать фундамент, источники, исходные положения и подсказки о том, как может происходить диалог между и среди различных объяснений социального мира. Метасоциология помогает нам найти единство в разнообразии и силу в плюрализме” [Fuhrtman, Snizek, 1990: p. 28].

С этой точки зрения, социологам лучше иметь разнородные, или множественные объяснения социального мира, которые, в отличие от его единого монолитного видения, способны полнее отобразить множественную природу социальной реальности. Но вместе с тем метасоциология призвана предотвращать гипертрофирование множественности социологических описаний социального мира посредством их диалога в рамках дисциплины. Такая задача представляется чрезвычайно амбициозной, учитывая неоднородность когнитивных стилей метатеоретической составляющей метасоциологии.

Когнитивные стили метатеоретизирования в социологии

С.Фукс отметил сосуществование в дискурсе социологического метатеоретизирования абстрактной философской рефлексии и деконструктивной эпистемологичной критики теоретизирования наряду с рефлексивной, но одновременно эмпирической самооценкой [Fuchs, 1991; 199]. Он реинтерпретировал спецификацию социологического метатеоретизирования, предложенную Дж.Ритцером¹. Выделенный последним тип метатеоретизирования, имеющий целью задавать предпосылки развития новых версий

¹ В одной из моих предыдущих статей уже отмечался этот вклад Ритцера в спецификацию социологического метатеоретизирования [Пилипенко, 2017: с. 61–63]. Речь идет об определении Ритцером метатеоретизирования как систематического изучения фундаментальной структуры теоретизирования, а также о выделении трех целевых типов метатеоретизирования — для более глубокого понимания социологического теоретизирования, для обеспечения предпосылок построения его новых версий и для создания общетеоретических основ социологии. Тип метатеоретизирования для более глубокого понимания существующего теоретизирования Ритцер дифференцирует на четыре подтипа: внешне-социальный (анализ влияния более широкого социального контекста на социологическое теоретизирование); внутри-социальный (изучение влияния на социологическое теоретизирование форм организации научных сообществ теоретиков и их сетевых связей); внешне-интеллектуальный (выяснение влияния на социологическое теоретизирование других областей знания); внутри-интеллектуальный (исследование влияния на социологическое теоретизирование когнитивных парадигм или школ мнений).

теоретизирования, Фукс усматривает всегда, когда исследователь, теоретизируя, вынужден имплицитно или эксплицитно опираться на теоретические наработки своих предшественников, интерпретировать и критиковать их. Такой минимум метатеоретизирования является общим требованием научного дискурса к аргументации ученого: исследователь обязан продемонстрировать аудитории, как его объяснения соотносятся с устоявшимися знаниями определенной области науки, аналогичными усилиями других исследователей и как выходят за рамки уже известного.

Вместе с тем Ритцеровы подтипы метатеоретизирования для более глубокого понимания существующего теоретизирования Фукс реинтерпретирует дифференцированно. В частности, внешне-социальный, внутри-социальный и, в определенной мере, внешне-интеллектуальный подтипы он считает возможным обобщенно определить как эмпирическое метатеоретизирование. Это направление метатеоретизирования отождествляется с социологией социологии или социологией социологического знания: «Как социология социологии, или теория теории, метатеория является просто частью общей социологии знания, в том случае, когда та принимает социологию и социологическое знание как эмпирические референты» [Fuchs, 1991: p. 288]. С этой точки зрения, метатеоретизирование такого рода реализует предметную и эмпирическую программу исследований социологического теоретизирования неметафизическим путем и продуцирует систематические, объяснительные и эмпирически проверенные знания в общенаучном понимании. Неизменно главный вопрос эмпирического метатеоретизирования усматривается в том, как социальная организация социологического сообщества влияет на способы продуцирования повседневного и научного, или социологического знания. При этом социологическое теоретизирование с метатеоретических позиций представляет собой не только процесс познания, но и часть эмпирического социального мира. То есть теоретизирование рассматривается в терминах социальных практик конкретной профессиональной группы людей. А социология и ее теоретическая составляющая анализируются в терминах профессиональных организаций, социальные структуры которых определяют пути осуществления и результаты исследований и теоретизирования.

А вот совокупный остаток содержимого Ритцеровой типологии Фукс обобщенно идентифицирует как философское метатеоретизирование. Речь идет о внутри-интеллектуальном подтипе метатеоретизирования, направленном на более глубокое понимание существующего теоретизирования как более философско-интерпретационное в своем когнитивном стиле и амбициях. Также речь идет о том типе метатеоретизирования, целью которого является создание общетеоретических основ социологии и которое осуществляется в философских форматах обсуждений пресуппозиционных логик, нормативных методов и основополагающих идеологических схем социологического знания. Философское метатеоретизирование в определяемом таким образом ряду Фукс видит сосредоточенным вокруг фундаментальных и эпистемологических проблем, способным обеспечить дискурсивное и интерпретационное обсуждение вопросов науки и объяснения и соотношенным с определенной версией постпозитивизма.

В отличие от эмпирического метатеоретизирования, философское метатеоретизирование не исследует эмпирические связи между социальными структурами и социологическим знанием, а скорее отражает эпистемологический характер этого знания, стремится к максимальной герменевтичес-

кой чувствительности в декодировании классических произведений или имеет дело с более широкими философскими измерениями социологического продуцирования знания [Fuchs, 1991: p. 289]. Это направление метатеоретизирования претендует на внедрение методологических систем для социологии, поиск определенного единого философского формата для социологического знания, разработку конкретных метатеоретических средств. Как раз оно больше всего критикуется со стороны оппонентов как представленное наибольшим количеством опубликованных метатеоретических исследований с эксплицитно декларируемыми целями.

Фукс уклоняется от дискуссии о плодотворности или вредности философского метатеоретизирования в социологии и вместо этого пытается объяснить наибольшую его распространенность в рамках дисциплины, выбрав для этого формат эмпирического метатеоретизирования или социологии социологии. В этом формате социология рассматривается как обычная профессиональная организация, в которой группы работников выполняют работу определенного рода — оперируют символическими объектами. Отсюда, согласно формулировке Дж.Ритцера, важнейшая задача эмпирического метатеоретика состоит в выяснении “взаимосвязи между когнитивным и общностным измерениями” социологической работы, того, как способы организации профессиональных групп разнообразят и дифференцируют их обращение с символическими объектами. Предполагается, что именно общностная организация, или социальная структура научных направлений обуславливает преобладающее продуцирование ими эмпирического или философского метатеоретизирования.

Близкое по смыслу предположение есть и в теории научных организаций, которую разрабатывали Р.Коллинз, Дж.Тернер, С.Фукус и др. В частности, предполагается, что научные “поля социальных сетей с тесными связями и мощными вспомогательными ресурсами чаще продуцируют факты, тогда как фрагментарные поля со свободными связями и слабыми союзами вовлекаются в неформальное обсуждение” [Fuchs, 1991: p. 292]. Научные направления и специализации в пределах научных полей трактуются как репутационные организации исследовательской работы, члены которых монополизируют определенные ареалы знаний, используют определенные материальные и символические ресурсы для продуцирования культурных артефактов ради возможного обмена признанием, репутацией и статусом. Эти научные сферы и специализации различаются в разных полях по мере концентрации материальных и символических средств научного продуцирования, по силе претензий на экспертную монополию, независимости от непрофессиональной аудитории, социальной структурированностью взаимодействия и коммуникации и ряду других важных характеристик. По всем этим параметрам Фукус идентифицировал и сравнил сильные эмпирические и слабые, задающие обсуждение поля научной деятельности (табл. 2).

Сильные поля образуют естественные науки. Тогда как социологию в целом и, в частности, социологическое теоретизирование Фукус идентифицирует как одно из слабых полей, задающих обсуждение. Он сомневается в перспективах продуцирования фактов социологами, учитывая конфликтную полипарадигмальность их дисциплины и фрагментацию социальной поддержки этого процесса в исследовательском сообществе и за пределами. Этими же структурными факторами объясняется неопределенность среди самих социологов по поводу статуса их дисциплины как науки: если

позитивисты считали, что социология должна быть наукой, то постмодернисты сравнивали социологию с риторикой и литературными нарративами.

С точки зрения теории научных организаций также аргументируется неравномерность продуцирования фактов исследовательскими группами в пределах того или иного отдельного научного поля или дисциплины: чем теснее связана в сеть определенная исследовательская группа, чем больше у нее ресурсов, тем больше у нее шансов продуцировать факты. То есть степень рутинизации и стандартизации научного поиска может быть неодинаковой даже в сильных научных полях. Там существуют устоявшиеся стандартные специализации, занимающиеся разгадыванием “головоломок” и техническим совершенствованием знания. Но существуют также исследовательские инновационные ареалы с определенной свободой действий и автономией исследователей в условиях высокой неопределенности задач на границе известного и неизвестного. Аналогично теория научных организаций подтверждает предположение Фукса о различии специализации в рамках слабых, задающих обсуждение полей по мере стремления их представителей ввести нормы эмпирической науки. Так, даже в социологии некоторые специализации по определенным критериям (см. табл. 2) более схожи на специализации в эмпирической науке (математическое моделирование, эмпирическая социальная психология). По словам Фукса, в отличие от теоретиков в социологии, у которых в подтверждение их слов о мире имеются лишь другие слова, представители более сильных социологических специализаций могут заявлять свои претензии на знание и на основании статистики.

Таблица 2

Сравнение сильных экспериментальных и слабых, задающих обсуждение полей научной деятельности (на основе описаний С. Фукса)

Критерии сравнения	Поля научной деятельности	
	Сильные эмпирические (Strong experimental)	Слабые, задающие обсуждение (Weak conversational)
1	2	3
Общие оценки	В основном эмпирические, факто-продуцирующие, репрезентативные, зрелые, плотно-сетевые, выразительно структурированные и упорядоченно связанные	В основном неэмпирические, текстовые, дискурсивные, рефлексивные, нарративные, герменевтические, интерпретативные, конструктивные, фрагментированные и свободно связанные
Особенности и ресурсы исследований	Значительная доля лабораторных работ в исследованиях. Коллективизм лабораторных научных поисков. Эмпирические результаты как преимущественно коллективный продукт чрезвычайно конкурентных групп. Большая потребность во многих аппаратных средствах. Высокая концентрация очень дорогих, сложных и редкостных материальных и символических средств научного продуцирования	Значительная доля теоретических работ в исследованиях. Индивидуализм теоретических научных поисков. Теоретические результаты как преимущественно индивидуальный продукт. Малая потребность во многих аппаратных средствах. Дешевизна, доступность и широкий доступ к ресурсам для теоретизирования. Отсутствие накопления мощных или эксклюзивных ресурсов, их распыленность и децентрализованность в рамках дисциплин

1	2	3
Стратификация и мобильность	Создание четких рейтингов престижности лабораторий и специальностей по степени доступа к этим дефицитным ресурсам. Устойчивость и воспроизводство этой стратификации через связи наставник — ученик, “эффект Матфея” ¹ и накопление преимуществ в течение академической карьеры	Очень проницаемые границы и низкая репутационная автономия дисциплин: завоевание научного признания и репутации из разных источников. Альтернативные возможности для научной работы и поиска мест для ее продуцирования. Много специализированных журналов для презентации результатов
Плотность, организованность и сплоченность сетей	Мощные научные организации с большим массивом материальных и символических сетей поддержки. Высокая плотность взаимодействий и взаимозависимость ученых в их ресурсных сетях. Общий контроль доступа к лабораторному пространству и времени, средств продуцирования и презентации знаний. Фактическое присутствие ученых на рабочих местах. Взаимное и непосредственное согласование научных результатов, опора на общие и совместные методы исследования	Большое количество довольно независимых специальностей, автономных репутационных организаций и отдельных сетей. Сравнительно децентрализованные структуры управления дисциплиной и интеллектуальным продуцированием. Выраженная внутренняя фрагментация и слабая связь коммуникаций и интеллектуальных обменов между отдельными группами и сетями. Разнообразные и часто несовместимые исследовательские подходы и перспективы
Возможности парадигмальной стандартизации	Четкая локализация научной деятельности в рамках установленных исследовательских традиций и парадигмальных практик. Широкое культивирование и распространение парадигмальных методов исследования. Методологические стандарты в решении четко определенных проблем. Рутинизация научного поиска	Сильная оппозиция претензиям на парадигмальное доминирование, и даже на общий статус. Нехватка общепризнанных парадигмальных основ, общих и ориентированных на будущее исследовательских практик. Контрверсивность практически всех аспектов исследовательской практики и теории

¹ Эффект Матфея — описанный Р.К.Мертон феномен неравномерного распределения преимуществ, статусов и ресурсов в научных сообществах: те, кто уже ими обладают, продолжают их накапливать и приумножать, тогда как другие, сначала ограниченные в них, со временем оказываются обделенными ими еще сильнее и, следовательно, имеют еще меньше шансов на дальнейший успех [Merton]. Действие эффекта проявляется в разнице степени признания и цитирования работ ученых: наработки именитых ученых упоминаются и цитируются сравнительно больше, чем аналогичные по качеству наработки их малоизвестных коллег. Также работы известных ученых могут восприниматься в отрыве от их содержания и реального значения, когда признается не сам результат, а сугубо “признанный результат”, который иногда только похож на хороший результат. Эффект Матфея наблюдается и среди научных учреждений: те из них, которые имеют на своем счету больше научных достижений, чаще становятся объектами финансирования и привлекают в свои ряды больше талантливых сотрудников. Название феномена Мертон дал, воспользовавшись цитатой из Евангелия от Матфея: “Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет” (Мф 13, 12).

Продолжение табл. 2

1	2	3
Пути формирования и/или источники общей когнитивной идентичности	Высокоэффективные, инновационные и элитарные исследовательские ареалы определяют перспективы дисциплины, задают стандарты исследований и профессиональной социализации. Выполнению плодотворных исследований предшествует стажировка в престижных лабораториях и вхождение в эксклюзивные социальные сети	Работы прежних интеллектуальных гигантов дисциплины. Поклонение классикам и отцам-основателям посредством постоянной экзегезы текстов. Общие классики как субинституты парадигмы определяют смысл принадлежности к дисциплине
Контроль и девиации	Сильный коллективный контроль над индивидуальными практиками. Очень мало места для идиосинкратических отклонений от установленных исследовательских практик	Высокая толерантность к девиантности и инакомыслию, что делает возможными многие индивидуалистические и даже идиосинкратические познавательные практики
Превращение утверждений в факты	Взаимные коррективы и координация ученых способствуют превращению утверждений в факты. Подкрепление утверждений рабочими лабораторными приборами, мощными академическими организациями и профессиональными ассоциациями, а также убедительной рационалистической мифологией эмпиризма. Утверждения, подкрепленные такими ресурсами, трудно оспаривать. Результат — продуцирование твердых, доказанных и обоснованных фактов	Продуцирование фактов маловероятно из-за фрагментарной социальной поддержки утверждений сетями. Единственными агентами, которые подкрепляют утверждения, являются другие утверждения или тексты. Накопление большинства утверждений в библиотеках, где они остаются не распознанными широкой общественностью. Даже наиболее успешные утверждения локализируются скорее в рамках определенной специальности и не влияют на дисциплину в целом. Результат — поддержка научного дискурса
Когнитивный стиль исследований и презентации их результатов	Прагматический реализм: участие в основном “нормальной” (по Т.Куну) науке — повседневной работе, касающейся преимущественно решения конкретных “головоломок” и рутинных проблем. Строгость изложения результатов в статьях. Важность авторитетных журналов для презентации результатов исследований	Когнитивные и организационные черты литературы: сильное увлечение критикой и текстологической реконструкцией; авторы легко распознаваемы по манере их произведений; подчеркнуто “хорошее письмо”. Важность книг наряду со статьями для презентации результатов исследований. Фото авторов на переплетах их книг
Характер изменений в знании	Перманентные открытия постоянно расширяют границы знаний. Упорядоченная кумуляция и постепенные достижения в более рутинных ареалах	Диверсификация и фрагментация предметных областей. Разветвление и углубление специализации
Восприятие научного знания	Научное знание как объективная репрезентация некой внешней реальности, нейтральное зеркало для объективной реальности	Научное знание как контингентный и субъективный конструкт, выборочный социальный результат. Субъективная агентность и идеологические или нормативные предубеждения в продуцировании знаний

1	2	3
Представления и мировоззрение	Сильная вера в репрезентативный реализм научного знания, в совокупный прогресс знаний в сторону Истины, в их накопление. Развитие весьма объективистской и элитарной коллективной самопрезентации. В основном уверенность в преимуществах науки по отношению к другим мировоззрениям. Незначительная обеспокоенность фундаментальными вопросами, в частности возможностью познания, ролью “субъективного фактора” или метафизической проблемой репрезентации	Неверие в научную объективность и методологическую добросовестность. Большой скептицизм в плане возможности знания как репрезентации реальности и медленно, но уверенного продвижения к “Истине”. Невыразительность и проблематичность эпистемических различий между наукой и идеологией, фактом и выдумкой, логикой и риторикой. Конкурентный плюрализм и релятивизм альтернативных мировоззрений, которые видят мир сконструированным по-разному
Ориентация поисков на мир / слово	Ученые больше “интересуются миром, нежели словом”. Больше внимания знанию в противовес носителю знания (Б.Латур)	Большая ориентация на слово, нежели на мир. Неуверенность в правильности проведения исследований. Ученые исследуют, наблюдают за исследованием и одновременно подвергают сомнению его возможность (С.Фукс)
Истоки философского / метатеоретического дискурса	Философский дискурс, такой как позитивизм и эмпиризм, входит в дисциплину извне и не является рутинной частью постоянной ежедневной исследовательской практики	Метатеоретическая рефлексия не входит в дискурс дисциплины извне, а вводится как отдельная специализированная активность
Философская метатеория как отдельная специализация	Маловероятна. В целом недостаточно философствования и метатеоретизирования в повседневной работе	Возможна. Метатеоретизирование в целом встречается чаще, чем в других полях
Престиж интеллектуальных продуктов	Довольно высокий социальный престиж	Не слишком убедителен для публики как “научное знание”
История дисциплины	Отдельная часть истории науки	Неотъемлемая часть самой дисциплины

Отмеченные (табл. 2) материальные и организационные факторы продуцирования социологических знаний существенно определяют фактический стиль (мета)теоретизирования в социологии. В отличие от лабораторных работ в сильных полях с непосредственным сотрудничеством и кооперацией нескольких исследователей или лабораторий, социологическое теоретизирование является высоко индивидуалистическим способом интеллектуального продуцирования. В социологии теоретическая работа — это в основном умственное продуцирование в одиночестве, и наработки теоретиков рассматриваются как очень персонифицированные и субъективные социальные достижения. В итоге метатеоретики философского типа в значи-

тельной мере исследуют субъективные концептуальные решения теоретиков и их метафизические предпосылки.

Философское метатеоретизирование в социологии со свойственным ему дискурсивным и интерпретативным стилем стало крайне рефлексивной специализацией: “Теория является прочтением и написанием, метатеория является прочтением прочтения и написанием написания” [Fuchs, 1992: р. 534]. Метатеоретики философского типа не только исследуют метафизические дебаты по поводу фундаментальных дилемм агентность/структура, микро/макро, субъективность/объективность и факт/ценность, решения в рамках которых структурируют различные социологические парадигмы, но и сами вовлекаются в эти дебаты. Таким образом, метатеоретическая рефлексия социологического теоретизирования приводит к скептичности касательно существования истины о социальной реальности, констатации множественности ее интерпретаций и мировоззрений, ни одно из которых не может претендовать на когнитивные привилегии. Поэтому метатеоретики в очередной раз сосредотачиваются на динамике продуцирования социологических знаний, трансцендентных измерениях субъекта познания и риторической организации теоретических текстов.

В то же время социологическое теоретизирование в значительной мере направлено на реинтерпретацию теоретической классики. Социологическая теоретическая классика в условиях парадигмальной раздробленности социологии остается одним из немногих устоев интеллектуальной солидарности и дисциплинарной идентичности социологов, их академических сообществ и сетей. Поскольку в этих условиях история социологии приобретает огромное значение и нередко переплетается с систематическими теоретическими исследованиями, значительных рефлексивных метатеоретических усилий требует и историческая проблематика дисциплины.

Из-за низкой репутационной автономии социологического (мета)теоретизирования на его проведение претендуют многие несоциологи, среди которых — социальные философы, социобиологи, экономисты, историки, языковеды и представители других наук. Границы между соответствующими научно-исследовательскими полями относительно проницаемы. Это делает возможными междисциплинарные обмены идеями, актуальной проблематикой, понятийными средствами, фактологической базой. В принципе, с момента зарождения социологии ее представители пытались осмыслить связи своей дисциплины со смежными социальными и естественными науками, а также с другими способами познания — искусством и литературой. Вполне естественно, что философское социологическое метатеоретизирование рефлексировало возможности междисциплинарной кооперации исследований с позиций плюралистической толерантности и космополитической открытости.

Несмотря на сравнительно невыиграшное положение и обстоятельства метатеоретизирования в социологии, Фукс подчеркивает его значительный нереализованный потенциал, выходящий далеко за рамки остальных социологических специализаций, очерченных конкретными предметными ареалами. Но при этом речь идет не о философском, а об эмпирическом метатеоретизировании как социологии социологии. И с этим метатеоретическим направлением связаны возможности освещения динамики продуцирования знания в социологии и обогащения важными вкладами других ее специализаций. В эмпирическом метатеоретизировании как социологии социоло-

логии Фукс усматривает не узкую специализацию, защищающую собственную предметную лакуну, а рефлексивное сознание дисциплины в целом.

Выводы

Рассмотренные версии спецификации социологического метатеоретизирования проясняют и обосновывают его философские основы. В частности, Б.Фей усматривал причины такой философской укорененности в радикальной неубедительности метатеоретической рефлексии социальной науки: во-первых, в своей истории и тогдашней практике социальная наука содержала ряд разновидностей теории, в которых воплощались характерные, сознательно принятые метатеории; во-вторых, тогдашний метатеоретический диспут имел явно метафизический и политический характер.

Э.Фурман и В.Снизек оспорили оправданность обвинений социологического метатеоретизирования в философичности, обосновывая целесообразность метасоциологического диалога на принципах эпистемичного релятивизма и релятивизма в суждениях. Философичность социологического метатеоретизирования, по их мнению, вытекала из того, что *“метатеория является источником теории”* [Fuhrman, Snizek, 1990: p. 25]. Эта мысль об априорности метатеории в отношении теории была своеобразным антитезисом видению Дж.Тернера об апостериорности метатеории касательно теории, согласно которому *“метатеория должна появиться после того, как мы выработали некую теорию”* [Turner, 1990: p. 38]. Тернер обосновывал свою позицию обращением к словарю, в котором слово *“meta”* означало буквально *“то, что приходит после”*. Но П.Бурдьё*¹ в свое время подчеркивал иное значение этого префикса: *“Быть meta означает быть “над” чем-то”* [Бурдьё, Вакан, 2015: с. 168]. Такая трактовка метатеории как рефлексии над существующим или воображаемым будущим теоретизированием представляется более подходящей. Наконец, С.Фукс утверждал, что в социологии как слабым полем научной деятельности — с преимущественно текстовыми ресурсами, интерпретативными и дискурсивными манипуляциями — неизбежно распространение метатеоретической рефлексии философского типа. Собственно произвольные социально-организационные структуры социологии весьма способствуют культивированию дискурсивного и интерпретативного стиля философского метатеоретизирования. Не случайно же в рубрикаторе Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского шифром С5в011.0 обозначены тематические рубрики *“Общесоциологическая теория (философия социологии, метасоциология, теоретическая социология)”*. Философская природа социологического (мета)теоретизирования институционально устоялась.

Источники

Бурдьё, П., Вакан, Л. (2015). Рефлексивна соціологія. Частина II: Чиказький воркшоп. Київ: Медуза.

¹ “Для меня социология должна быть целью, но всегда лишь в отношении самой себя. Она должна использовать собственные инструменты, чтобы выявить, чем она является и что она делает, на каких принципах стоит...” [Бурдьё, Вакан, 2015: с. 169].

Пилипенко, В. (2017). Метатеоретизування в соціології: особливості, типи і напрями. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 59–76.

Резнік, В. (2017). Позитивістське (мета)теоретизування Дж. Г. Тернера: підстави та начерки стратегії. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 68–93.

Fay, B. (1985). Theory and metatheory in social science — or, why the philosophy of social science is so hard. *Metaphilosophy*, 16(2–3), 150–165.

<https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.1985.tb00161.x>.

Fuchs, S. (1991). Metatheory as cognitive style. *Sociological Perspectives*, 34(3), 287–301. <https://doi.org/10.2307/1389512>.

Fuchs, S. (1992). Metatheory and the sociology of sociology. *Sociological Perspectives*, 35(3), 531–535. <https://doi.org/10.2307/1389334>.

Fuhrman, E., & Snizek, W. (1990). Neither proscience nor antisience: Metasociology as dialogue. *Sociological Forum*, 5(1), 17–36. <https://doi.org/10.1007/BF01115135>.

Merton, R. K. (1968). The Matthew effect in science. *Science*, 159 (3810), 56–63. <https://doi.org/10.1126/science.159.3810.56>.

Turner, J. H. (1990). The misuse and use of metatheory. *Sociological Forum*, 5(1), 37–53. <https://doi.org/10.1007/BF01115136>.

Матеріал отримано 07.05.2019

References

Bourdieu, P., Wacquant, L. (2015). *An invitation to reflexive sociology. Part II: The Chicago workshop*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Meduza Press. [=Бурдьє 2015]

Fay, B. (1985). Theory and metatheory in social science — or, why the philosophy of social science is so hard. *Metaphilosophy*, 16(2–3), 150–165.

<https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.1985.tb00161.x>.

Fuchs, S. (1991). Metatheory as cognitive style. *Sociological Perspectives*, 34(3), 287–301. <https://doi.org/10.2307/1389512>.

Fuchs, S. (1992). Metatheory and the sociology of sociology. *Sociological Perspectives*, 35(3), 531–535. <https://doi.org/10.2307/1389334>.

Fuhrman, E., & Snizek, W. (1990). Neither proscience nor antisience: Metasociology as dialogue. *Sociological Forum*, 5(1), 17–36. <https://doi.org/10.1007/BF01115135>.

Merton, R. K. (1968). The Matthew effect in science. *Science*, 159 (3810), 56–63. <https://doi.org/10.1126/science.159.3810.56>.

Pylypenko, V. (2017). Metatheorising in sociology: Particularities, types and trends. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 59–76. [=Пилипенко 2017]

Reznik, V. (2017). J. H. Turner's positivist (meta)theorising: Underpinnings and outlines for strategy. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 68–93. [=Резнік 2017]

Turner, J. H. (1990). The misuse and use of metatheory. *Sociological Forum*, 5(1), 37–53. <https://doi.org/10.1007/BF01115136>.

Received 07.05.2019

ВАЛЕРІЙ ПИЛИПЕНКО

Соціологічне метатеоретизування в 1980–1990-х роках: філософські аспекти деяких альтернатив позитивістській специфікації

У статті здійснено ретроспективний огляд метатеоретичних досліджень 1980–1990-х років. Проаналізовано філософські аспекти деяких альтернатив позитивістській специфікації. Розглянуто трактування соціологічного метатеоретизування як філософії

соціальної науки, викладене у праці Б.Фея (B.Fay). Виявлено особливості концепції мета-соціології як діалогу соціології з іншими соціальними науками та політичними і моральними дискусіями про соціальний світ. Вищезазначена концепція презентована у праці Е.Фурмана (E.Fuhrman) та В.Снізек (W.Snizek). Автором також узагальнено зміст праць С.Фукса (S.Fuchs) із описом, порівнянням та аналізом когнітивних стилів метатеоретизування у соціології.

Ключові слова: теоретизування, метатеоретизування, теорія, метатеорія, метасоціологія

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО

Социологическое метатеоретизирование в 1980–1990-х годах: философские аспекты некоторых альтернатив позитивистской спецификации

В статье осуществлен ретроспективный обзор метатеоретических исследований 1980–1990-х годов. Проанализированы философские аспекты некоторых альтернатив позитивистской спецификации. Рассмотрены трактовки социологического метатеоретизирования как философии социальной науки, изложенные в работе Б.Фея (B.Fay). Выявлены особенности концепции метасоциологии как диалога социологии с другими социальными науками и политическими и моральными дискуссиями о социальном мире. Данная концепция представлена в работе Э.Фурмана (E.Fuhrman) и В.Снизек (W.Snizek). Автором также обобщено содержание работ С.Фукса (S.Fuchs) с описанием, сравнением и анализом когнитивных стилей метатеоретизирования в социологии.

Ключевые слова: теоретизирование, метатеоретизирование, теория, метатеория, метасоциология

VALERII PYLYPENKO

Sociological metatheorising in the 1980s and 1990s: Philosophical aspects of some alternatives to the positivist specification

The paper provides a retrospective overview of metatheoretical research unfolding in the 1980s and 1990s. Philosophical aspects of some alternatives to the positivist specification have been analysed. Particular attention has been given to the interpretation of sociological metatheorising as the philosophy of social science (B.Fay). The next step is identification of characteristics related to the conception of metasociology as a dialogue with other social sciences, as well as with political and moral conversations about the social world. This conception was put forward by E.Fuhrman and W.Snizek. The author has also summarised S.Fuchs's works that describe, compare and analyse cognitive styles of metatheorising in sociology.

Keywords: theorising, metatheorising, theory, metatheory, metasociology